

САНДРА
БУШАР

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Пленница БОССА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Сандра Бушар

Пленница босса

«Автор»

2022

Бушар С.

Пленница босса / С. Бушар — «Автор», 2022

Долгие годы я трудилась на компанию своего босса. Однажды он дал мне сумочку, с просьбой отвезти по назначению. Сумочка пропала. Оказалось, что в ней хранился миллион долларов. И кто виноват? Естественно, секретарша. Итог простой: пока сумка не найдется, я - пленница босса. Прикована к нему со всех смыслов. Содержит нецензурную брань.

© Бушар С., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	9
Часть 3	13
Часть 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сандра Бушар

Пленница босса

Часть 1

– Значит так, – глубокий вдох босса был рваным и жестким. Словно он рычал на меня, – я последний раз тебя спрашиваю, Симонова! Отвечать четко, внятно, кратко.

Офисная блуза с юбкой давно уже стали мокрыми от страха, как после дождя. Я буквально прилипла к кожаному дивану, только вот это меня совершенно не заботило... Дрожа от ужаса, я с трудом более-менее внятно прохрипела:

– Да-да?

Павел Григорьевич посмотрел на меня, как на идиотку. Как на охреневшую и попутавшую берега мышь у него на пути, которая смела говорить что-то не то. В его серых глазах я явно видела не просто свое увольнение, но и мучительную смерть с долгими пытками.

«Ему ведь ничего не стоит прикопать тебя под елочкой. Таким, как Астафьев, никто вопросов не задает!», – успокоил внутренний голос, когда я и без подобных «подбадриваний» едва ли в обморок не падала.

– Сегодня, – кинув пустой стакан от виски на стол, босс резко взмахнул рукой и поднес кисть с часами ближе к лицу. Клянусь, в моменте я была уверена – сейчас он меня приложит с левой. Все в офисе говорили, что босс наш – крутой каратист. Прямо видела четко у себя в сознании картину, как лечу через весь кабинет колобочком и томно вздыхаю про себя: «Действительно, великий каратист!». Только вот мужчина просто сверился с часами и рявкнул: – ровно в двенадцать ноль-ноль я дал тебе кожаную сумку, верно?

Я уже совершенно не понимала, в чем дело, потому просто ответственно кивнула:

– Конечно.

Пока мое тело сводило от напряжения, Павел Григорьевич позиции не сдавал. Словно нарочито медленно он поднялся с места, нависая надо мной коршуном:

– И?... Где она, Сонечка??? ГДЕ. СУМКА?!

Скребя ноготочками по дивану, я старалась делать вид, словно все хорошо. Словно я спокойна, как удав и уверена в себе. Только вот каждое слово, вырывающееся из губ, буквально «царапало» изнутри наждачкой от страха:

– Ваша сумка там, куда вы просили ее отвезти: у вашего отца.

Так уж вышло, с шестнадцати лет я, по просьбе подруги матери, подрабатывала личным секретарем отца текущего босса. С годами старик рассорился с сыном, они разделили компанию на два филиала, и теперь восседали в разных частях столицы, старались пересекаться только при крайней необходимости. Я «отошла по наследству» сыночку – Павлу Григорьевичу. Стала его «девушкой на побегушках».

Он всегда мне нравился: веселый, позитивный, умный мужчина. Черный костюм всегда сидел на нем, как влитой. Словно он уже родился в костюме с иголки, с бокалом виски в руке и сигарой в зубах. Босс обладал магией, заставляющей всех девушек вокруг его обожать. Буквально каждая слюнями истекала ему вслед! А он в свои тридцать два продолжал отпускать всем пошлые шуточки, многозначительно подмигивать, поражать искрометным умом и... Оставался холостым бабником, беззастенчиво разбивающим все попадающиеся под руки женские сердца.

И все равно он мне нравился. Все три года, что батрачила на него – бед не знала. Отец и сын доверяли мне, я была кем-то вроде «мирным гонцом» между ними. Мне даже заочную учебу в лучшем вузе страны оплатили!

И вот пришел тот день, когда сказка рухнула.

– Нет сумки, Сонечка, – цедя слова, босс разговаривал со мной, как с отсталой идиоткой. – Нет ее! Папа ничего не получал! – резкий удар кулаком по столу и в моей жизни случился первый микроинсульт. Подавившись слюной, я накрыла сердце ладонью боясь, что оно просто выскочит из груди от такого ненормального биения. – Ты куда деньги дела?!

Вот тут-то мой мозг и выключился на целую минуту. Нервно моргая, я пыталась избавиться от «ошибки четыреста четыре» в голове и перезагрузить систему. А Павел Григорьевич изучал меня внимательно, будто пытался понять обман и раскусить злостную преступницу.

– Какие деньги? Вы о чем? – наконец смогла произнести я. Пульс так барабанил в ушах, что свой же голос звучал чертовски далеко.

– Те, что в сумки были, – вскинув бровь, босс недобро улыбнулся. Уверена, именно с такой кровожадной ухмылкой отрубали головы палачи. Хладнокровно, наслаждаясь ужасом в глазах бедного «виновного». – Не прикидывайся душой, Симонова!.. Ты, конечно, все же дура, но... Не настолько же! Реально думала, что я пропажу ляма долларов не замечу?

На этом моменте мои черные волосы планомерно принялись покрываться сединой, а конечности отниматься:

– А?! Какой еще ЛЯМ?? Каких-каких долларов?!

Незаметно у ущипнула себя за ногу – ничего. Посильнее – тот же эффект. До последнего хотелось верить, что все происходящее лишь дурной сон. Иначе почему все так плывет и белеет перед глазами?

Закрыв глаза, мужчина откинул голову назад и прикрыл лицо рукой. Я прямо видела, как тяжело ему дается разговор со мной. Как хочется переступить черту и сделать что-то нехорошее.

– Симонова, – собрав остатки титанического терпения, он выплюнул мое имя, как проклятье, – хватит пороть хрень. Ты ведь, наверняка, в сумочку заглянула.

– Нет... – я так судорожно мотала головой, словно это могло хоть как-то помочь делу. Только вот босс даже не смотрел в мою сторону.

С тяжелым голосом он, полумертвый, мычал себе под нос:

– Все, что было, соскреб... Собрался долю отца в бизнесе честно выкупить... Решил его удивить, дурак! Мол, папочка ждет бумаги от юриста, а получает ляма долларов, – и тогда он посмотрел на меня, его серые глаза прошибали до костей. – Оказалось, удивлюсь я. Спасибо тебе, Симонова!

Легкие жгло от недостатка кислорода, но все это было ничем по сравнению со страхом попасть на огромный долг. Последние годы мама серьезно болела... Началось все с сахарного диабета, а во время сдачи анализов нашли еще тонну тяжелых болезней. Все они в купе заставили ее бросить работу и пригвоздили к постели. В свои двадцать три года я полностью ее содержала. Моя зарплата была приличная, но все равно мы жили впроголодь из-за цен на лекарства.

Вскочив на ноги, я отчаянно заревела:

– Не брала я ваши деньги! Мне бы даже в голову не пришло открывать сумку. Даже если бы пришлось... Никогда бы чужого не взяла!

Красивое мужественное лицо босса сейчас перекосило от злости. Крылья носа его злобно раздувались, пальцы нервно нащупывали окуроч сигареты на столе... Разведя руками, он риторически пожал плечами:

– А кто тогда, Симонова?

И тогда я вправду задумалась: «Кто?». С самой первой секунды, как босс вызвал к себе, я находилась в таком треморе, что не могла нормально думать. И только сейчас поняла:

– Господи... Я ведь зашивалась! Попросила Димочку отвезти сумку... Вы ведь сказали, что там старая металлическая шкатулка...

– Какого, нах, «Димочку»? – цедя каждое слово, босс буквально пронзал насквозь кожей.

«Он ведь сам не сказал тебе, что там внутри!», – приободряла себя я, но все равно именно я чувствовала себя проигравшей стороной. Поэтому в момент ответа едва язык не проглотила:

– П-парень мой.

– То есть, – резюмировал мужчина, вскакивая с места, как ошпаренный, – ты подарила сумку какому-то мужику? Отлично.

– Никому я ничего не дарила! – поспешила опровергнуть я, незаметно попятившись к выходу. – Дима – надежный, хороший и честный человек. Уверена, он тоже вашу сумку даже не открывал. Может, просто еще в метро едет...

– В метро едет семь часов?! – язвительно рассмеялся босс, а потом я увидела, как спина его напряглась. Когда Павел повернулся ко мне в пол оборота, он казался чернее тучи, а голос буквально выпотрошил меня наизнанку. – То есть, он лям в метро вез??? Ты ему даже корпоративную машину не дала??? Симонова, едрить твою за ногу!

Для рабочих целей мне всегда выделяли авто с водителем. Но, уж извините, кто мог подумать, что для перевозки «старой шкатулки» она нужна?! Мне бы даже в голову не пришло взять сумочку на личном автомобиле!

– Павел Григорьевич! – призывая нас обоих к спокойствию, я сделала глубокий вдох и протяжно выдохнула. Мои вытянутые вперед ладони лишь рассмешили мужчину. – Давайте просто...

– Значит так, – перебил он меня, быстро застегивая пуговицы на пальто, – ты сейчас быстро надеваешь верхнюю одежду и едем.

«В полицию!», – умерла внутри я, но все же попытала удачу дрожащим голосом, снова оседая на кресло:

– Куда?

– К «Димочке» твоему, тьфу! – с пренебрежением перебивал мой голос босс.

Не давая мне и секунды на размышление, он пересек разделяющее нас расстояние. В ужасе зажмурившись и закрыв лицо руками, я ощутила, как меня поднимают под ягодицы и уносят из кабинета. А уже через пару секунд мужчина натягивал на меня курточку.

– Моли бога, – его тон мягко намекал, что босс со мной не шутит, – чтобы Дима твой и вправду где-то на пути застрял. Иначе... Пеняйте на себя!

– Поверьте, – слезы уже текли по щекам, больше от перенапряжения. В своем парне я была уверена больше, чем в себе, – с вашими деньгами все отлично.

Павел Григорьевич замолчал, рассматривая меня с прищуром, когда вдруг подозрительно спокойно изрек:

– Знаешь, а я тебе верю. И папа мой верил. Ты же почти с самого начала пути в компании работаешь, Сонечка, – на губах моих заиграла робкая улыбка, когда босс мягко скользнул руками по запястьям. Приятное покалывание волнами разлилось по телу, а неожиданное томление между ног застало врасплох. Я уже плыла по кисельным берегам в своих фантазиях, когда услышала странный щелчок. За ним последовало ощущение чего-то холодного и тяжелого на запястье. Многозначительно вздернув бровь на мою озадаченность, босс пожал плечами. – Доверяй, но проверяй.

Опустив взгляд, я увидела наручники. Настоящие, полицейские... Когда именно босс достал их в кабинете? Откуда профессиональная вещь у владельца обувной корпорации? И, главное, зачем он приковал меня к себе? Вопросы один за другим взрывали мозг, но задать их мне никто не дал. Размашистым шагом Павел Григорьевич последовал к лифту.

И если я знала, что наши запястья скреплены железом, то работники офиса видели иное: босс и секретарша идут за ручку. Вот тебе и повод для сплетен на два года!

– Мамочки... – застонала я, когда увидела очередное шептание за спиной. Щеки вспыхивали тут же, а мысли о Димочке не давали расслабиться.

– А что тебя не устраивает? – повернувшись ко мне вплотную в лифте, мужчина заставил уткнуться носом ему в грудь. Запах мятного одеколона навсегда отпечатался в недрах моей памяти. Будто издеваясь, босс скользнул кончиком пальца свободной руки по моему предплечью. Томный хриплый шепот в районе уха взбудрил не на шутку: – Многие здесь и мечтать не могут, чтобы в моей койке оказаться.

– Но не я, – с трудом, но я нашла в себе силы посмотреть мужчине в лицо. Потому что хотела, чтобы он четко понял: я не из тех, кто готов к сексу на один раз. У меня отношения. Только вот не рассчитала... Как-то уж слишком близко оказались наши лица друг от друга, неприлично. Я понимала это прекрасно, но... Почему-то не отодвигалась. – У меня парень есть.

Павел Григорьевич тоже почему-то не отодвигался. Он будто... Растерялся? Впервые я увидела замешательство в его всегда таких уверенных глазах. Мужчина, который в тридцать пять построил не только многомиллионную корпорацию, но и сотню работников, вдруг оробел.

Лишь на мгновение. После его глаза заволокла дымка чего-то черного, а голос сквозил насмешкой:

– Я могу отпустить наручники, Симонова. Все их увидят и вопросов тогда будет еще больше. Хочешь прослыть местной воришкой, а?

Вот тут-то я и испугалась до колик в желудке. Стоило только представить, как на подобные новости отреагирует мама, как на глазах появились слезы. Не желая видеть босса, я первая отвернулась от него в другую сторону и холодно отмахнулась:

– Если выбор из двух зол, то придется остановиться на вас.

Почему-то данное заявление разозлило босса еще сильнее.

Часть 2

Долгие секунды в лифте я размышляла о своей тяжелой судьбе. Мол, как так вышло, что я с шестнадцати лет душу отдаю компании, а меня еще и в воровстве обвиняют! Топая ногами по парковке вслед за Павлом Григорьевичем, молилась всем известным богам, чтобы нас никто из знакомых больше не увидел.

К жизни вернул звук разблокировки авто босса. Вытянув перед собой пантовый ключ в кожаном чехле с гравировкой эмблемы компании, мужчина разблокировал свой «Порше».

– Нравится? – его самодовольный взгляд сперва прошелся по явно любимой ласточке, а после с внимательным прищуром устремился на меня.

«Он ждет, что я в обморок от одного его вида грохнусь?», – искренне недоумевала.

– Эм... – честно признаться, не об этом были мои мысли в тот момент. Растерянно почесав затылок, я пыталась понять, как именно мы будем садиться в средство передвижения со скрепленными руками. Явно босс водителя звать не хотел. Значит, привлекать внимание к ситуации – тоже.

– «Порше Панамера Спорт Туризм Концепт», – Астафьев с таким восхищением произнес непонятный мне набор слов, что я не сразу поняла, что речь идет о полном названии его автомобиля. – Между прочим, прямо с парижской презентации мне его доставили. Два ляма долларов отдал за это произведение искусства!

Резкий приступ нервного кашля заставил скрутиться в три погибели, а из глаз брызнули слезы. Когда возмущение, удивление и недоумение немного отпустили, я позволила себе посмотреть на босса скептически.

– Вот это, – строго кивнул босс на авто, – и сумка с деньгами – все, что у меня есть, Симона. Все! – выдержав роковую паузу, он сквозь зубы рявкнул: – Надеюсь, теперь ты понимаешь масштабы дерьма, в которое вступила?

Назвать эту проблему сугубо своей я не могла... Но почему-то менее страшно от этого не становилось, и колени подкашиваться не переставали.

– Конечно-конечно, – закивав, как собачка на капоте, нервно почесала место под наручниками. Оно прямо жгло. То ли это самовнушение, то ли тело всячески их отвергало. – Уверена, ничего с вашими деньгами не приключилось.

Его серые глаза прожигали меня насквозь. Казалось, я видела там каплю сочувствия и понимания. Но вся эта иллюзия была разрушена, когда грубый стальной бас рявкнул:

– Значит поехали разбираться.

И он пошел прямо к водительскому сидению, волоча меня за собой, как нелюбимую собачку на поводке. Знала бы, не надела утром новые и еще не разношенные туфли на пятнадцатисантиметровой шпильке!

– Стойте-стойте! – красная, запыхавшаяся, я в ужасе дернула руку назад. А все потому, что мой босс окончательно сошел с ума. Спокойно, словно ничего не происходит, он начал садиться на водительское сидение. Еще и зыркнул на меня неодобрительно, когда я его остановила. Пришлось объяснять свою претензию так быстро, как только могла. – А ничего, что наши руки скреплены? Вы предлагаете мне час за вами по столице рядом с машиной бежать?

– Я, что, зверь по-твоему? – закатил глаза мужчина, и мне полегчало. На мгновение. В следующую секунду он тем же тоном огорошил: – Просто перелазь через меня и садись рядом.

Пол минуты я ждала его заливистого смеха. Думала – шутка. Куда там? Павел Григорьевич был серьезен и зол, как никогда.

– Может, – мягко предложила я, из последних сил улыбаясь, – вы меня просто отстегнете, и я ножками обойду машину?

Добродушно вздохнув, мужчина улыбнулся. Я с надеждой повернула кисть нужной стороной, ожидая свободы.

– Нет, Сонечка, – его хриплый мягкий тембр, казалось, успокаивает. Нежный протяжный голос никак не сходился с жестокими грубыми словами. И пока одна часть меня таяла изнутри, вторая содрогалась от беспринципности мужчины. – Я тебе уже раз доверился, больше не стану. Девушка, которая додумалась украсть лям, найдет, как сбежать. Так что либо лезь через меня, либо я сразу ментов вызываю.

Закрыв глаза с тяжелым вздохом, я уже готова была согласиться на полицию, лишь бы не испытывать такого унижения. А потом представила, как моей бедной немощной матери звонит какой-нибудь капитан Петров и говорит: «Ваша Сонечка по этапу пошла!».

– Хорошо! – импульсивно воскликнула я с испуганным взглядом. Астафьев прямо подобрался, когда я резко прыгнула ему на колени. – Раз выбора нет, то... Что поделаться!

Павел Григорьевич отшатнулся назад, расставил руки в стороны от неожиданности. Его ноги были расставлены и обтянуты дорогими черными брюками известного бренда. Даже когда они растянулись по его натренированным ногам, сидели великолепно. Стоя на карачках, я в этом убедилась.

– Давай быстрее, – рявкнул он, как-то странно напрягаясь. Голос осел, стал глубже и более хриплым.

– Пытаюсь, – закатила глаза я, судорожно дыша.

Парковка не особо освещалась. В машине, стоящей носом к стене, вообще царил тьма. Не понимая, куда я именно опираюсь, тыкала руками куда попало. Пару раз соскальзывала. То ноги не вмещались, то пятая точка.

– Юбка у тебя, Сонечка, коротковата... – внезапно услышала я в попытке-таки добраться к пассажирскому сидению.

И тогда я почувствовала что-то странное: взгляд босса на своей заднице. Она прямо горела в тех местах, где он, не стесняясь, меня рассматривал. Осознание происходящего настолько шокировало, что я замерла.

– Я что-то не поняла, господин Астафьев... – что-то под пальцами зашевелилось, увеличилось.

Мысль оборвалась, слова пропали. Я вовсе забыла, о чем был разговор и что мы тут делаем. Все, что я ощущала: то самое интимное место под своими пальцами.

«Черт тебя дерь, Соня! – в панике прокричала я про себя. – Ты прямо сейчас лапаешь член собственного босса!».

Что самое странное, Павел ничего не говорил. Я слышала его судорожное дыхание, бешено вздымающуюся грудь. В и без того заниженной машине вдруг резко кончился кислород, хотя дверь до сих пор была открыта, а мои ноги из нее успешно торчали.

Я чувствовала, как моя узкая офисная юбка поднимается все выше и выше, а вырез становится все неприличнее. Мир вокруг словно остановился, все стало слишком странно.

– Черт! – вырвалось из губ Астафьева, когда вырез стал на уровне трусиков. Он просто взял и закрыл его своей ладонью. То ли меня «спасал», то ли хотел потрогать.

«Черт, да он же просто лапает тебя! – не унималась я про себя, совершенно не понимая ту реальность, в которой оказалась. – Павел Григорьевич массирует твою задницу!».

Сперва он и вправду, наверное, хотел прикрыть, а потом... Увлёкся. Нежно, но в то же самое время грубо и нетерпеливо сжимал кожу, гладил ее, изучал. Он не проникал под юбку, но этого и не требовалось. Никто и никогда не занимался со мной прелюдией. Только голый секс с выключенным светом минут по пять раз в пару месяцев.

То, что делал босс, казалось неизведанной новой тропой. И это работало. Дыхание сперло, между ног стало влажно. Ощущая напряженный член у себя под пальцами, я распахнула губы, пытаюсь сдержать рвущиеся наружу эмоции.

– А ты выросла, – с удивлением прохрипел мужчина, а после убрал руку. – Совсем другой стала.

Звонкий, громкий шлепок обрушился мне на ягодицу. Мышца заныла, задрожала, кожа завибрировала. Не понимая, что со мной происходит, я позволила себе застонать в голос и прогнуть спину. Это было то, что я не особо контролировала.

– Неприлично такие юбки на работу носить, – со странной мне злостью и явным приказом рявкнул босс, раздался новый шлепок. – Поняла меня?

Кивая, как кукла, я все еще ощущала себя во сне:

– Да, босс!

Все было странно. Все было не со мной. Только поэтому, ощущая себя другим человеком во сне, я позволила себе скользнуть пальцами по члену мужчины. Лишь легкое скольжение: вверх-низ и он зарычал грубые слова, которые по какой-то неведомой причине еще больше меня распаляли.

Где-то неподалеку послышался хлопок двери. «Сосед» босса по парковке занял свое место водителя и двинулся в путь. словно ошпаренный Павел Григорьевич сжал мою шею и головой опустил вниз, буквально вдавливая в свою ширинку:

– Че-е-ерт!

Эта игра была странной, нехорошей, не для меня, но... Она мне нравилась, и это пугало. В тот момент, чувствуя запах духов босса даже на ширинке, я ощутила себя грязной секретаршей. Той самой, что отсасывает боссу по первому сигналу. Именно такой я и была, стоя кверху задницей у него на коленях.

«Шли его к черту прямо сейчас!», – скандировала я, выжидая, пока коллеги босса обменяются краткими приветствиями и разъедутся.

– Слава богу... – облегченно выдохнул Астафьев, когда машина уехала, и мы снова остались одни. Только вот он продолжал жадно сжимать мою шею. А мне приходилось дышать ему прямо в пах, касаясь члена губами через штаны. Великолпно! Но, черт... Было в этом что-то такое, от чего низ живота стягивало тугим спазмом. – Надеюсь, ты понимаешь, что если бы я тебя не опустил, руководитель отдела маркетинга увидел бы твое личико? Тогда бы ты точно обросла «прекрасной» славой, Сонечка!

– Угу, – только и смогла выдохнуть я, потому как в моем положении стихов не сложишь.

«Может опустите меня? – застонала про себя. – Уже, как бы, даже в пятую точку поддувает...».

От вибрации моего голоса Астафьев зашипел, вздрогнул. Я услышала, с каким остервенением его голова ударилась о сидение, а спустя несколько секунд он грустно рассмеялся.

– А ты и вправду выросла, Сонечка. Уже не та невинная девочка, что к нам в фирму в шестнадцать пришла, – отпустив мою шею, он так же поспешно подтолкнул к пассажирскому сидению, оттянул обратно юбку. Аккуратно прокрутив наручники, он помог мне ровно сесть в кресле. Только в тот момент я увидела его полный осуждения и пренебрежения взгляд, пробирающий не меньше ушата помоев, вываленных на голову. – Отвлекать внимание натурой – надо уметь...

– Но, – щеки покраснелись румянцем, глаза бегали в разные стороны, а голова закружилась, – я никогда...

– Ты прямо опытная, я смотрю, – недобро присвистнул босс, а у меня на глазах пеленой слезы встали. – Если ты на такое готова, то не удивлюсь, что и деньги прихватила...

Я бы обязательно стала оправдываться, если ком не встал в горле. Никогда в жизни я не чувствовала себя настолько униженной, но плакать при боссе не хотела. Потому молча отвернулась к окну и пыталась справиться с чувствами. Те места, которых касались Его руки, все еще ныли, но... Сердце ныло в три раза сильнее.

Слова Астафьева больно ударили по гордости.

– Приехали, – скупое осведомил он меня, припарковываясь у старой сталинки на окраине города.

Ситуация казалась все сказочнее. Вот так вот я и узнала, что мой босс знает, где я живу с парнем. А это, к слову, не мое место регистрации или прописки. «Получается, – недоумевала про себя, – он и Димочку знает? Но притворяется?». Но вопросов задавать не стала.

Вообще разговаривать с Павлом лишней раз не хотелось. А вот швырнуть ему деньги в лицо и захлопнуть дверь квартиры перед носом, очень даже. Так что я, не спрашивая разрешение, двумя движениями перелезла через босса на улицу.

– Долго вас еще ждать? – сложив руки на груди, я уставилась на Астафьева строго. Он же никуда не спешил, разглядывал меня странно и озадаченно. Будто что-то хотел сказать, но не решался. Пока мужчина кусал губы, я решила ускорить процесс и потянула его за руку. – Вам уже миллион не нужен? Нет? Так вот мне чужое тоже не нужно.

С тяжелым вздохом барин-таки вышел со своего трона и на удивление неторопливо пошагал за мной в старый побитый временем вонючий после кошек подъезд.

Часть 3

С Димочкой мы познакомились через социальные сети и общих знакомых не имели. Он прекрасно ладил с моей мамой, а вот его родню я видела лишь раз во время разговора парня по видеосвязи. Квартиру мы снимали на двоих. И открывая ключом старую советскую дверь, я вдруг поняла, что вскоре шокирую Астафьева нашим «дизайнерским» ремонтом.

– Что там, Сонечка? – ехидно поинтересовался босс, из-за плеча заглядывая на мои трясущиеся руки с постоянно падающим на каменный пол ключом. – Совесть проснулась? Хочешь покаяться во грехах?

– Ничего себе, какие вы слова знаете! А обычно только «бегом» и «срочно», – в тон ему саркастично прошептала. Услышал босс или нет, но затих. Без его нависающего позади громоздкого тела я смогла открыть дверь и зашла внутрь.

Было страшно. Я ждала смех и издевок, но Астафьев молчал. Тихо прошел вперед по коридору, даже дверку за собой вежливо захлопнул. Мертвая от стыда и ощущения собственной ничтожности, я плелась за ним следом, пристегнутая к тому же наручником.

– Сонечка, дорогая моя, – замерев у отваливающегося куска обоев, Павел Григорьевич попытался приклеить его обратно, но тот снова опал, – напомни-ка мне, сколько у тебя оклад?

Вот на этом моменте я резко захотела провалиться под землю. Глядя куда угодно, но не на мужчину, сдавленно выдохнула:

– Двести тысяч.

На лице Астафьева была маска. Вообще не понятно, о чем он там думает у себя в голове, пожимая плечами:

– Мне казалось, этого хватит, чтобы ты не снимала квартиру под столицей в криминальном районе. В месте, где даже дверей в подъезд нет. Прямо-таки приглашение: «Заходите, господа наркоманы, бомжи и бродячие собаки!».

Дрожь пронзила насквозь. Наверное, не стоило этого делать, но я зачем-то в сердцах выпалила:

– Я все маме отдаю. Мне только двадцать остается.

Астафьев молчал минуту, а потом присвистнул, скупно произнеся:

– Не густо.

Неловкое молчание возникло между нами, а Павел Григорьевич все никак не возвращался к поискам сумки. Все смотрел и смотрел на меня. Это уже начинало не просто смущать, но и напрягать.

– Мама болеет? – хриплый вопрос в крошечной тишине заставил сердце быстрее забиться. Не найдя в себе силы и слова ответить, просто скупко кивнула. Тогда босс почему-то кратко рассмеялся. С интересом взглянув на мужчину, увидела его пренебрежение. Обращено оно было не ко мне, а к нашему с Димой портрету на стене. – А что же твой этот «Димочка» не может помочь?

– Не может, – гордо вскинув голову, я вдруг решила, что нечего мне стыдиться. Да, мы сняли старую убитую квартиру. Да, обои отваливаются, а шкафы на ладан дышат. Зато сами! – Дима зарабатывает, как я – двадцать. Мы сложились пополам, и хватило только на эту квартиру.

Босс повел бровью:

– Ясно, понятно.

Больше не задавая вопросов, мужчина обернулся по сторонам. Его лицо не выражало омерзения или сочувствия. Скорее, удивление и недоумение. Засунув одну руку в карман, другую он вытянул перед собой. Тем самым заставляя идти впереди:

– Веди меня, Соня. Будем смотреть, где моя сумка.

Удивительно, но несмотря на позднее время – Димы не было дома. Гостиная пустовала. Она представляла из себя старый не раскладной диван и стул, со стоящим на нем советским телевизором. Демонстративно обведя рукой десять квадратных метров, уставилась на босса:

– Проверять будете? По углам там лазить, диван разбирать на шурупы...

Сжав зубы, Астафьев промаршировал в соседнюю комнату. Ею оказалась спальня. Мужчины лишь слегка мазнул взглядом по постели: железной кровати с прутьями. Мне показалось, словно видеть ее мужчина не хотел. Внимание босса привлек маленький шкафчик, купленный мною на распродаже. Не спрашивая разрешения, босс распахнул его и замер.

– Эй! – только и успела воскликнуть я, а вот спрятать аккуратно лежащее внизу нижнее белье – нет. Более того, Астафьев с умным видом поднял мои красные кружевные трусы и намотал их на палец. Затем повернулся ко мне, потемневшим взглядом осматривая с головы до пят. Он словно примерял это белье на меня, совершенно не стесняясь при этом хитро усмехаться. Достал новые трусики – черные в горох – и снова в свои грязные мыслишки нырнул. Тут-то я и не выдержала, выдернув из его рук свое богатство. – Вам не стыдно? Положите на место!

– Сонечка, чужое брать стыдно, а я – свое ищу, – вытянув палец вверх, изрек этот у... Уникум! И продолжил рыться в моих трусиках и лифчиках. – По статистике, каждый второй прячет деньги в нижнем белье. Я должен убедиться, что там нет миллиона.

«А лям баксов так просто в стринги запрятать, ага!», – прыснула я, аккуратно поинтересовавшись:

– А чего это вы тогда так тщательно полочку с боксерами Димы избегаете, а? Или по вашей статистике деньги прячут только в женских трусах?

Скривившись, Павел перестал так увлеченно рассматривать мои трусики. Поднялся на ноги, остервенело расправил брюки и потащил меня дальше. Чуть головой о косяк не ударил!

– Та-а-ак, – присвистнул мужчина, открывая «портал» в последнюю комнату, – а это уже интересно!

– Это Диме для работы нужно, – твердо заявила я. – Он – айтишник.

Внимательно осмотрев компьютерный стол со множеством экранов и огромным процессором, Астафьев посмотрел на меня насмешливо:

– Давай подведем итоги: твоя Димочка айтишник с зарплатой в двадцать тысяч, у которого даже мышка дороже? А этого гиганта, – босс похлопал ладонью по процессору, – даже я себе позволить не могу. Жаба душит... Что-то в районе миллиона.

Вот тут-то я и захлебнулась воздухом, резко поплохело:

– Вы что-то путаете. Это все копейки, Дима мне чеки сам показывал и...

– Твой Дима – очень хорошо устроился, Сонечка, – встав на ноги, босс сочувственно похлопал меня по плечу. – У него в шкафу куча дорогой одежды, а у тебя две блузы и парочка юбок. А еще, пока вы спите в коморке, твой «Димочка» занял для игр себе двадцать квадратов. Я вот одного не могу понять, – удивленно оценив мое лицо, босс явно искал признаки умственной отсталости. Так и захотелось ему промеж глаз чем-то тяжелым приложить! – ты такая занятая, что этого не видишь, или просто тупая?

– Если вы не заметили, – сквозь зубы процедила, скидывая его наглую руку с плеча, которая там уже всю массаж организовала, – то я постоянно на работе! А когда не на работе – на учебе! А когда не на учебе – у мамы. То, что у меня уже есть парень – нонсенс, – теперь взгляд босса явно выражал фразу, от которой хотелось недовольно рычать и топтать ногами: «Получается, накинута на первого встречного!». Но я решила отстаивать своего молодого человека до конца. – Дима хороший парень, не надо на него наговаривать. Он мне часто помогал с учебой и вообще... Полностью ему доверяю!

– Все ясно, – наконец, определился с диагнозом мужчина, недовольно качая головой, – ты просто наивная до дурости. Но не дура, нет. Просто видишь мир через розовые очки. Только,

Сонечка, малышка, – нагнувшись к моему лицу, Павел до ужаса обольстительно улыбнулся. Я испуганно вжалась в стену, а тот отвесил шлепок кончику моего носа, – единороги по столице не бегают. Ты че? Их же машины посбивают.

С прищуром присмотревшись к боссу, я принялась к запаху из его рта:

– Вы сегодня ничего не употребляли, господин Астафьев? Может и сумочки с миллионом никакой не было, а?

Павел Григорьевич выровнялся по струнке и снова, как верную собачку, потащил меня за собой по коридору. На очереди была кухня. Представляла она из себя конфорку, стол с уголком и холодильник. Раковина и столик для приготовления еды бы попросту туда не влезли.

– Так-с, начнем обыск, – торжественно объявил босс и... Открыл холодильник, буквально по пояс в него залезая. – Опа! Борщ, картошка с грибами, «оливье», торт! – вытянув голову с двумя глазами по пять копеек, положив руку на сердце, Астафьев объявил: – Ты же понимаешь, что дело серьезное и мне придется все досконально изучить? Так сказать, на зубок?

Понимая, что никто отказ принимать не собирается, я потопала к тарелкам и наложила всего боссу, да побольше. Была во мне скупая надежда, что добрый мужчина не станет нападать. Только вот Астафьев слопал все за считанные минуты. Вместо «спасибо» в конце трапезы я услышала диктаторский тон и тыканье пальчика в кастрюли:

– Так, Симонова! Я пока не понял, представляют ли они опасность для нашей компании, надо подумать. Ты наложи мне все с собой. Я домой заберу для более детальной проверки.

Пришлось собирать боссу «сухпак», а тот радостно топал ножкой в нетерпении.

– Картошечки можно побольше, Сонечка, – до блевоты елеяно шептал тот на ухо. Именно тем тоном, каким он девочек из компании в туалет «по важным делам и деловому вопросу» заманивает. Только я слышала его так часто, что на меня подобное не работает. Так что я наоборот – ложечку отложила. Поджавший губы Павел последовал за мной к входной двери, где лежали пакетики.

Распахнув обувницу, я потянулась рукой вниз и нащупала не что-то пластиковое, а нечто мягкое и явно кожаное. Глаза стали по пять копеек, тело окаменело.

– Сонь, ты че? – шепнул на ухо босс, ухмыляясь. – Решила в Манекен-челлендж поиграть? Так ты на шесть лет опоздала...

Кто-то словно сжал мне горло, и сказать ничего не вышло. Просто промычала невнятную фразу. С тяжелым вдохом Астафьев оттолкнул меня в бок и сам достал то, что я не решилась из-за недопонимания происходящего.

– Хм... – загадочно проиграл бровями тот, – это же моя сумка. А я-то, дурак, почти поверил, что ее тут нет... Идиот!

На меня уставилась пара разоренных глаз. Они обвиняли во всех грехах мира! А я растерялась... Ведь уже успела тайком пару раз набрать Диму. Трубку парень не брал. Была надежда, что он все же до сих пор в процессе доставления сумки. И вот теперь она, все еще увесистая, была в руках босса.

– Я... – слезы полились градом из глаз, стало не по себе. – Я не знаю, как это...

– Все ясно, Симонова, – теперь я была для Астафьева ничем, кроме грязной воришки. Изменение в обращении чувствовалось сразу. – Ты вместо отца моего поехала к себе домой, а про парня соврала для отвода глаз. Думала, что я не замечу ничего? Или что для меня – это не деньги?

Кандалы на руке внезапно стали такими тяжелыми. Я буквально ощущала их вес стокилограммовым. Ноги подкашивались, тянули к земле. И я упала... Только не на пол, а на пуфик при входе, тут же взвизгнув. Острый камушек больно впился в ягодицу.

Приподнявшись, я прошлась рукой по поверхности пуфика и достала листик бумаги, который придавливал обычный уличный камень. Знакомый почерк тут же поднял настроение. Радостная я вскочила на ноги, едва ли не прыгая от радости.

– Тут записка от Димы! Он все сейчас объяснит, вот увидите! – прочистив горло, проморгав слезы, я поспешно начала тараторить, глотая слоги: – «Соня, я долго думал над этим решением и пришел к выводу, что мы не подходим друг другу. В качестве извинений за потраченное время – оставляю тебе свои вещи. Меня не ищи, всего тебе хорошего. Номер я уже поменял, чтобы не было соблазна вернуться.».

В ужасе я подняла взгляд на Астафьева, но в этот момент он был занят другим делом: распаковкой сумочки. Только вот внутри нее лежали не деньги, а старая побитая железная шкатулка с шурупами.

Часть 4

Два серых глаза прожигали насквозь такой лютой злобой, что до костей страх пробирал. Его рычащий голос заставлял дрожать от ужаса:

– Это шутка такая?

Резко слезы высохли, потому что я вдруг осознала масштабы катастрофы: деньги реально пропали, а Димочка смылся.

– Я... – попыталась оправдаться, но тут же осеклась. «Что тут скажешь?», – горестно вздохнул внутренний голос.

– Шкатулка с шурупами!.. – саркастично расхохотался босс, а потом вдруг с рыком разорвал кожаную сумку. Страшно было предстать масштабы его злости, если надежное изделие так просто разделилось по шву. Оценив два куска ткани на полу, Астафьев дернулся ко мне: – Ты за кого меня держишь?? Я, по-твоему, совсем идиот?

Странная щекотка обосновалась в животе. Конечности принялись неметь. Павел Григорьевич выглядел так, словно собрался придушить меня сейчас и закопать в огороде под балконом.

– Поверьте, – голос осел до фальцета, позорно дрожал. Глаза бегали из стороны в сторону в поисках ответов на миллионы вопросов в голове: «Как? Кто? Зачем? За что?!», – я не имею к этому никакого отношения!..

Никогда ранее я не видела босса таким. От него буквально искры в разные стороны летели. Мышцы лица пугающе сокращались, вены на висках напухли, кадык дергался, а ноздри раздувались. В совокупности с почерневшим лицом и сведенными бровями это оказывало на меня непередаваемое воздействие.

– Я бы никогда... – в груди что-то резко защемило, стало нечем дышать. Накрыв ладонью сердце, я почувствовала не только безумное сердцебиение. Конечности стали подозрительно тяжелыми, а комната вокруг – все дальше и дальше. – Я бы ни за что...

Вытянув руку вперед, Астафьев с омерзением поморщился. Свободной рукой мужчина достал телефон из внутреннего кармана пиджака. Его пальцы так давили на экран, что мобильный трещал.

– Хватит ныть! – закатив глаза, босс злобно улыбнулся. А потом повернул ко мне экран, давая увидеть краткий и всем известный номер «102». На мгновение на лице его появилось сочувствие и разочарование, что окончательно разбило. – Я верил тебе, Сонь. Как себе. Даже сейчас, идиот, поверил! Но теперь пусть полиция разбирается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.